

ПРОКЛЯТИЕ САМОЙ ОБЫЧНОЙ

АЛЕКСАНДРА ЧУДОВА

Александра Чудова
Проклятие самой обычной

«Автор»

2026

Чудова А.

Проклятие самой обычной / А. Чудова — «Автор», 2026

Лера — сотрудница архива с двадцатью шестью годами, нулевым дипломом и выдающимся талантом сливаться с пыльными стеллажами. Очередное задание «съездить на склад» заканчивается классическим падением в портал. В мире, где деревья светятся, земля пульсирует, а маги смотрят сквозь неё как сквозь стекло, Лера узнаёт, что её невидимость — не карьерный кризис, а редчайший дар Пустоты. В Академии парящих мостов и чёрных башен она не ученица, а Гостья на птичьих правах. Для магов она не человек, а ресурс или угроза. Лера должна научиться быть видимой, доказать, что ей есть место в этом мире, и понять: Тьма начинает замечать её сама.

© Чудова А., 2026

© Автор, 2026

Александра Чудова

Проклятие самой обычной

Глава 1

Я сидела в самом дальнем углу архивного подвала, и этот запах — смесь вековой бумаги, сухого клея и мышинного помета — стал таким родным, что я почти перестала его замечать. Почти. Мне казалось, что мыши здесь — главные хранители тайны, а я всего лишь временная гостья, которую они терпят из вежливости. Иногда, когда начальница Маргарита Петровна открывала дверь своего кабинета наверху, оттуда доносился аромат дешевого растворимого кофе, и это был единственный момент, когда я вспоминала, что на свете существуют другие запахи.

Передо мной на шатком столе громоздилась очередная партия «на уничтожение». Семь папок. Семь чьих-то жизней, упакованных в пожелтевшие скоросшиватели. Семь причин, по которым я сейчас здесь, а не там, где хотела бы быть. Семь причин задуматься: а не сбежать ли мне в кино на дневной сеанс, пока никто не видит?

Впрочем, где бы я хотела быть?

Я не знала ответа на этот вопрос уже года четыре. Я даже гуглила «куда сбежать от архива» ночью, но поисковик выдавал только туристические маршруты, а мне нужен был маршрут в другую жизнь.

Мне было двадцать шесть. Зеркало в тускло освещенной туалетной комнате архива отражало лицо человека гораздо старше — усталые глаза, тусклые волосы, собранные в небрежный пучок, бледная кожа без грамма загара. «Без диплома — никуда», — любила повторять Маргарита Петровна. И она была права. Хотя я, бывало, задумывалась: если бы у меня был диплом по «выживанию в пыльных подвалах», я бы уже была профессором.

Я машинально коснулась пальцами серебряной цепочки на шее — единственного украшения, которое носила не снимая. Простой кулон с гравировкой «С.Л.Н.». — Мои инициалы. Тётя Света подарила его мне на восемнадцатилетие и заказала гравировку сама. Тогда казалось, что это начало новой, взрослой жизни. Сейчас кулон был единственным, что связывало меня с чем-то настоящим в этом море пыли и старых бумаг.

Я вспомнила тот день, когда всё сломалось. Мне было двадцать два, и я сидела в больничном коридоре, держа в руках конверт с результатами экзаменов. Тройки. Двойки. Незачёты. Я не помнила, когда сдавала — помнила только, что тётя умирала, и я ночевала в палате, а не в общежитии. Декан смотрел на меня с жалостью, которая хуже злобы. «Восстановитесь через год», — сказал он. Я не восстановилась. Год превратился в два, а два в четыре. Тётя умерла. Я осталась с пустой комнатой, незаконченным образованием и этой работой — временной, которая стала вечной. И в тот момент я поняла: у временной работы есть только одно преимущество — она не требует диплома, но требует полного отсутствия гордости.

— Лерочка!

«Лерочка». Хорошо, хоть не Валерия или еще хуже Валерочка — а ведь могла бы. Ох, долго я просила её называть меня просто Лерой. Но Маргарита Петровна была как старая пластинка — заело на «Лерочке», и ничем не сбить.

Голос Маргариты Петровны скатился по лестнице быстрее, чем её короткие ноги могли спуститься.

— Ты где там? Опять в телефоне?

— Здесь, — отозвалась я, даже не поднимая головы. — Разбираю.

Она появилась на пороге — маленькая, круглая, с вечно недовольным лицом человека, который разучился радоваться жизни ещё в девяностые. Маргарита Петровна заведовала архивом городской администрации уже пятнадцать лет и свято верила, что без неё этот мир рухнет. Каблуки её дешёвых туфель цокали по кафельному полу, как метроном, отсчитывающий секунды до конца рабочего дня. Или секунды до моей следующей нервной судороги.

— Тут мне позвонили со склада, — она протянула мятый листок. — Говорят, нашли старые коробки. Совсем старые. Ещё с прошлого века. Нужно съездить, посмотреть, что там, и решить, что на уничтожение, а что — в основной фонд.

— Меня? — уточнила я чисто для проформы.

— Ну не меня же! — фыркнула она. — У меня отчет квартальный. Ты поедешь. Вон, ключи от казенной «Нивы» возьми, бензин уже оплатили.

Я взяла ключи. Я всегда брала ключи. Я была той самой «Лерочкой», которой можно поручить любую скучную, пыльную, неблагодарную работу, и она не откажется. Потому что она — «без диплома», «временная», «а куда ты денешься?».

Потому что она — никто.

Я накинула старый свитер, тот самый, с застиранными рукавами, который помнил ещё студенческие годы, и вышла на улицу. Свежий воздух ударил в лицо, но он не был приятным — пахло бензином и нагретым асфальтом.

Казенная «Нива» завелась с третьего раза.

Сорок минут пути до промзоны были самыми спокойными в моём дне.

Я ехала по городу, который знала как свои пять пальцев, но который никогда не был моим. Узкие улочки старого центра сменялись широкими проспектами спальных районов. Машины сигналили, пешеходы спешили по своим делам, и никто, абсолютно никто не смотрел на меня. Я даже попробовала помахать рукой прохожим, но они принимали это за приветствие знакомого — и отворачивались. Наверное, я слишком хорошо сливаюсь с пейзажем.

Казённая «Нива» завелась с третьего раза, как всегда. Первый раз — она кашлянула и чихнула чёрным дымом, будто обиделась, что её потревожили. Второй — мотор застонал, как старый пёс, которому лень вставать с лежанки. Третий — с неохотой, но провернулась.

— Спасибо, что не бросила меня, — сказала я, поглаживая приборную панель. — Я знаю, тебе тоже не нравится эта работа. Но у нас нет выбора. Ты — единственная машина в мире, которая понимает меня, и даже ты думаешь о побеге.

«Нива» фыркнула из выхлопной трубы — то ли согласилась, то ли просто выпустила газы. Я решила считать это согласием. Мы же девушки — должны поддерживать друг друга.

На светофоре я замерла, разглядывая пейзаж за мутным стеклом. Перед «Нивой» дорогу переходила красивая девушка — высокая, стройная, в дорогом пальто и идеально уложенными волосами. Рядом с ней шагал брутальный мужчина в кожанке. И у них была собака.

Маленькая. Очень маленькая. Помесь чихуахуа с кем-то ещё более мелким и нервным. Собачка вертелась на поводке, лаяла на каждую машину, на каждую пролетающую птицу, на собственную тень.

Девушка даже не замечала этого. Она шла, гордо подняв голову, уверенная в себе, в своем мужчине, в своей дорогой одежде, в своей невоспитанной собаке. Я подумала: у этой собаки точно есть диплом о высшем образовании в области лая, потому что она лаяла даже на облака.

Я смотрела на них и думала: как же им повезло. На них смотрят. Их замечают. Даже эта мелкая, трясущаяся собачка привлекает больше внимания, чем я за всю свою жизнь. Один раз я попыталась привлечь внимание, надев ярко-красную шапку. Но меня приняли за пожарный гидрант, и никто не остановился.

И тут «Нива» решила, что это идеальный момент, чтобы напомнить о себе.

Двигатель чихнул, дёрнулся и заглох. Прямо на перекрёстке. Прямо перед этой идеальной парой с собачкой.

Я нажала на стартер. «Нива» издала звук умирающего кота. Сзади кто-то нетерпеливо посигналил — какая-то дорогая иномарка, водитель которой явно считал, что его время дороже моего. Я обернулась и мысленно сказала ему: «Если ты так спешишь, возьми меня на буксир, и мы поедem вместе».

— Да знаю я! — крикнула я, хотя меня никто не слышал.

Девушка с собачкой остановилась и посмотрела на меня. Не с сочувствием — с лёгким пренебрежением, как на что-то незначительное и слегка нелепое. Собачка залаяла громче, твякая прямо на капот «Нивы».

— Заткнись, — сказала я машине. — А ты, — я кивнула собачке, — тоже не помогаешь. Собака в ответ сделала вид, что не понимает русского, и продолжила заливаться.

«Нива» обиженно кашлянула, чихнула сизым дымом и завелась. Я нажала на газ — машина рванула вперёд, как испуганная лошадь, и я проехала перекрёсток, даже не успев посмотреть, что там было на светофоре.

В зеркале заднего вида я увидела, как девушка покачала головой, а мужчина что-то сказал, и оба засмеялись. Собачка продолжала лаять, но её уже было почти не слышно. Я мысленно пожелала им приятного вечера и чтобы собака не укусила их во сне.

Я выдохнула.

— Спасибо, что не заглохла перед ними окончательно, — сказала я «Ниве». — Хотя, если бы ты заглохла, я бы, наверное, стала героиней их вечера. «Мы сегодня видели такую смешную девушку в старой машине».

«Нива» фыркнула в ответ, и я решила, что мы квиты.

Загорелся зелёный (или уже горел, я не помнила). Я нажала на газ, и «Нива» послушно покатила вперёд. Кажется, она решила, что сегодня мы будем командовать светофорами, а не они нами.

Через пару минут я уже забыла про даму с собачкой и думала о том, что, может быть, завести кота. Но потом вспомнила тётю Свету и её аллергию, и мысль погасла.

— Нет, — сказала я вслух. — Я не могу завести кота. Это будет предательством.

«Нива» понимающе урчала, и я чувствовала, что в этом мире хотя бы машина меня не осуждает.

Я вздохнула. Сильнее, чем обычно. Так, что заложило уши. В зеркале заднего вида мелькнуло моё отражение — усталое, бледное, с глазами, которые слишком много видели и слишком мало радовались.

Пальцы сами нашли кулон на цепочке — холодный, гладкий, с истёртой гравировкой. Я даже не заметила, когда успела за него взяться. Я всегда так делала, когда было тяжело: трогала его, будто он мог что-то ответить.

Тётя Света называла меня котиком. «Ты — мой маленький котик», — говорила она, когда я приходила к ней зарёванная из-за очередной несданной сессии, из-за того, что меня снова никто не выбрал, не заметил, не позвал. И гладила по голове, как будто я и правда была кем-то, кого стоит гладить.

— Я твой котик, — повторила я шёпотом, как заклинание. Не машине. Ей. Той, кого уже не было.

И нажала на газ.

«Нива» послушно ускорила, и мы поехали к складу — к новой порции пыли, старых бумаг и, как оказалось, к новой двери, которая изменит всё.

Склад находился в промзоне на окраине города. Бетонные коробки, ржавые ворота, запах мазута и безразличия. Охранник, дядька с лицом, изъеденным временем и дешевым табаком, молча открыл мне ворота и молча показал в глубь ангара. Я подумала: «Отлично, ещё один разговорчивый собеседник. Надеюсь, он будет молчать так же красноречиво, как и его лицо».

— Там, в углу, — ткнув пальцем куда-то в темноту. — Не заблудись.

Я кивнула и пошла к коробкам. Охранник остался у ворот, и я подумала, что на сегодня общение закончено. Как же я ошибалась. Я ещё не знала, что этот человек станет моим духовным наставником на ближайшие полчаса.

Я присела на корточки и открыла первую коробку. Старые газеты. Товарные накладные. Какие-то чертежи. Вторая — то же самое. Третья. К четырём часам вечера у меня слипались глаза, а в голове шумело от однообразия. Я размяла шею, хрустнув позвонками, и подошла к пятой коробке.

И тут я услышала шаги. Тяжёлые, шаркающие. Я обернулась — охранник стоял в трёх метрах от меня, держа в руке алюминиевую кружку, из которой пахло... ну, явно не чаем.

— Работаешь? — спросил он, и его голос был не таким сухим, как раньше, а каким-то... размягчённым. Как будто он только что проснулся или, наоборот, только что уснул и проснулся снова. Или он просто сделал глоток из кружки и теперь видел мир в розовом свете.

— Да, — ответила я, стараясь не вдыхать слишком глубоко. — Разбираю.

— А я вот тут сижу, — сказал он, делая шаг ближе. — Сижу и думаю: зачем всё это? Ну зачем? Бумаги, коробки, склады... А жизнь-то проходит. Я чуть не ответила: «Чтобы мы с вами встретились и обсудили смысл бытия». Но сдержалась, потому что не хотела поощрять философов.

Я внутренне застонала. Только не это. Только не философский монолог от охранника с запахом перегара.

— Вы правы, — вежливо сказала я, надеясь, что он уйдёт. — Жизнь проходит. Мне нужно ещё эти коробки...

— Ты не понимаешь, — перебил он, садясь прямо на пол рядом со мной. — Я тут двадцать лет работаю. Двадцать! И что я видел? Ничего. Только стены и коробки. А в молодости я хотел быть лётчиком. Я хотела сказать: «А я хотела быть балериной, но в итоге сижу с вами на пыльном полу». Но промолчала, потому что он явно был в ударе.

— Лётчиком? — переспросила я, понимая, что отмазаться не получится.

— Да, — он сделал глоток из кружки и мечтательно закатил глаза. — Летал бы над облаками. А теперь — сижу на складе, пью... компот. — Он хитро подмигнул, и я поняла, что компот в кружке — это фигура речи. — Ты как думаешь, судьба — это случайность или закономерность? Я задумалась: если бы я не пришла сюда, я бы не слушала этот монолог, значит, судьба определённо существует, и она издевается надо мной.

Я замерла с очередной коробкой в руках. Мне хотелось сказать: «Судьба — это когда я сижу в архиве, а не на этом складе, и слушаю философию пьяного охранника». Но я сдержалась.

— Наверное, закономерность, — ответила я, надеясь, что он удовлетворится и уйдёт.

Но он не удовлетворился, потому что у него был целый запас философских вопросов, как у меня запас коробок.

— А я считаю, что случайность! — воскликнул он, стуча кружкой по колену. — Вот взять меня. Я пошёл в армию, меня забрали в стройбат, а не в лётчики. Случайность! А если бы я стал лётчиком, я бы сейчас не пил... компот, а летал. — Он тяжело вздохнул. — Ты не представляешь, как мне обидно.

— Представляю, — сказала я, открывая пятую коробку. — Очень обидно. Но мне нужно...

— А ты знаешь, как я здесь оказался? — не унимался он. — Меня друг позвал. Сказал: «Пойдём, работа тихая, спокойная». А друг этот — он сейчас начальник. А я — охранник. И всё потому, что он вовремя принёс начальству... гостинцы. А я не принёс. Потому что честный.

Я кивнула, разбирая бумаги в пятой коробке. Рука нащупала странную дверную ручку — старую, бронзовую, с выжженным на набалдашнике рисунком, похожим на трещину. Металл был тёплым. Живым. Под пальцами что-то пульсировало — не биение сердца, нет, что-то другое. Я на мгновение отвлеклась, от лекции о судьбе и подумала: «Это, наверное, нагретая солнцем ручка, хотя солнца здесь не было лет сто». Но охранник продолжал:

— А ты, видно, учёная? Из архива? Самойлова? — он прищурился на смятый листок в руке. — Маргарита Петровна звонила, говорила, что девушка придёт. Сказала: «Она у нас ответственная». А я думаю: какая же ты ответственная, если сидишь в таком месте? Нет, ты, может, хорошая девушка. Просто не нашла себя. «Не нашла себя» — это мягко сказано, я даже не знаю, где искать, в какой коробке меня упаковали.

— Спасибо, — сказала я, уже почти не слушая. Пальцы всё ещё машинально вертели тёплую ручку. — Я ищу.

— А я вот нашёл, — сказал он с глубокой грустью. — Нашёл себя в этой кружке. — Он поднял кружку, как бокал, и залпом допил содержимое. — Теперь пью и думаю: жизнь — она как этот склад. Вроде бы место есть, а толку нет.

Я вздохнула. Внутри меня боролись желание закатить глаза и желание сказать что-то ободряющее. Я выбрала второе:

— Ну, может, вы ещё станете лётчиком. В свободное время.

Он посмотрел на меня с надеждой. Он посмотрел на меня так, как будто я только что сказала, что он может стать космонавтом. И я испугалась, что он сейчас попросит меня починить ему ракету.

— Правда? А как? У меня же возраст...

— На симуляторе, — сказала я. — В игровом автомате. Там все летают. Я сказала это с такой серьёзностью, что он почти поверил. Но потом я подумала: если он пойдёт в игровой автомат, он может там и остаться — и станет самым счастливым лётчиком в истории игровых залов.

Он задумался, потом хлопнул себя по колену:

— А ты умная! Я бы тебе компота налил, но он у меня кончился. — Он постучал по пустой кружке. — Ладно, пойду, долью. А ты работай, не отвлекайся. Он ушёл, и я почувствовала, что у меня только что состоялся самый глубокий разговор за последние месяцы. И это было страшно.

Он с трудом поднялся и, шатаясь, пошёл к своей будке.

Я с облегчением выдохнула. Мои уши всё ещё гудели от его монолога, но я была рада, что он ушёл. Я даже почувствовала прилив вдохновения — если он может мечтать о лётной карьере в его возрасте, то я тоже могу мечтать о чём-то, кроме коробок. Я опустила взгляд на ручку, которую всё ещё держала в руках, — и только теперь заметила дверь.

Я поклялась бы чем угодно — секунду назад её здесь не было. Деревянная, массивная, старая, чуть приоткрытая, с той же бронзовой ручкой и тем же рисунком-трещиной на набалдашнике. Странная дверь, не вписывающаяся в бетонные стены склада. Я протёрла глаза, но дверь не исчезла. Значит, либо я схожу с ума, либо охранник налил мне компота в воздух, и я начала галлюцинировать.

«Слава Богу, — подумала я. — Ещё один философ, и я бы сама начала пить компот».

За спиной охранник как раз набирал воздух для следующего залпа про судьбу и компот. Я поняла: ещё один вопрос про закономерность — и я закономерно сопьюсь вместе с ним. Так что я просто потянула ручку. Не из любопытства. Из вежливого, отчаянного желания оказаться где угодно, лишь бы не здесь.

— Эй, девушка! — донеслось из глубины ангара. — Если что — я здесь, зови! Я хоть и пью, но в случае опасности я — как тот лёгчик!

— Спасибо! — крикнула я через плечо, уже переступая порог. — Обязательно позвоню!

За дверью должна была быть ещё одна бетонная коробка. Ещё коробки, ещё накладные, ещё чья-то прожитая впустую жизнь в пожелтевших папках. Я почти слышала, как они шелестят, ожидая меня. Но коробки не было.

Пол кончился там, где ему кончаться не полагалось. Нога ушла в пустоту, за ней — вторая, и вежливое «обязательно» всё ещё висело у меня на губах, когда меня потянуло вниз — мягко и неотвратимо, как воду в слив. Я даже не успела испугаться. Только подумала: «Ну вот, теперь я точно сопьюсь. В другом мире».

Последнее, что я услышала из своего мира, был голос охранника — искренний, гордый, с ноткой лётного романтизма:

— Вот! Вот это я понимаю — полетела!

Я полетела. Только не туда, куда он мечтал.

И я падала.

Ветер свистел в ушах, но это был не тот ветер, который бывает, когда летишь с большой высоты. Он был... густым. Тягучим. Как будто я падала не в воздухе, а в киселе.

Я кричала. Наверное. Я не слышала собственного крика.

Свет вокруг меня мерцал, переливался, и я не могла понять, где верх, где низ, где право, где лево. Пространство исчезло. Остались только я и этот бесконечный, золотистый, пульсирующий свет.

А потом — тишина.

И я провалилась в темноту.